

ЭПОС: СХОЖДЕНИЯ И ПАРАЛЛЕЛИ

УДК 398
ББК 82

БЫЛИНА «НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ» И СХОДНЫЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ПЕСНИ О ПОХИЩЕНИИ СЕСТРЫ ГЕРОЯ

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ СМИРНОВ

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069,
г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

***Аннотация.** В статье на широком материале южнославянских эпических песен показано, как сюжетная схема русской былины «Наезд литовцев» (похищение сестры героя и погоня за похитителем) используется в нескольких произведениях, при этом в ней меняются персонажи по этнической принадлежности, атрибутам и ролям. Песни такого типа, постоянно переходящие из одной этнической среды в другую, следует называть эпическими/этническими двойниками. Обычно бытующие в ограниченных региональных пределах, они почти не соприкасались друг с другом и не влияли друг на друга, поэтому их можно признавать типологическими формами. В некоторых из этих песен звучат громкие имена, позаимствованные у исторических прототипов, живших в XVI–XVII вв.; такие произведения нужно назвать историзованными. Можно утверждать, что у болгар и русских некогда имелось не меньшее, чем у боснийцев и далматинцев, разнообразие песен на тему о похищении сестры героя. Рассмотренная сюжетная схема рождена самой действительностью, в которой существовало неписаное правило: вопреки любым обстоятельствам, брат обязан защищать и выручать сестру.*

***Ключевые слова:** былина, эпическая песня, южные славяне, «Эрлангенская рукопись», эпические «двойники», типологическое сходство.*

Заложенная в былинку «Наезд литовцев» сюжетная схема проста: в успешном набеге иноплеменники захватили сестру героя с ее маленьким сыном и беспечно остановились на ночлег; брат похищенной настиг их, расправился с ними и избавил родичей от плена.

Элементы этой сюжетной схемы просматриваются и в контаминации «Дунай-сват + Непра / Настасья-королевична»: Дунай силой захватил и увез Апраксию-королевичну, которая здесь предназначена не ему, а князю Владимиру; Дунай отправил пленницу в Киев, а сам остановился на ночлег, не явно, но несомненно в ожидании погони; здесь в погоню пускается уже не брат, а сестра, которую Дунай победил

в поединке и сделал своей женой. Без подмены брата сестрой-воительницей не могла бы получиться такая контаминация.

По этой же схеме, но в виде антитезы выстроена былина «Иван Годинович». В ней этнически «наш» герой силой увозит девушку, «запорученную» (помолвленную) за иноплеменника, естественно обрисованного почти или вовсе как чудовище. Иван Годинович останавливается на ночлег и овладевает похищенной девушкой. Судя по текстам, он очень самоуверен. Нет даже намека на то, что он ждал погони. Это, по-видимому, нужно понимать как выражение уверенности героя в своих силах и пренебрежение возможной опасностью.

По этой схеме «нашему» эпическому герою дозволялось благополучно совершить набег, увезти намеченную девушку и справиться с погоней.

Не менее важно убедиться в том, что сюжетная схема может использоваться в разных произведениях. В схеме меняются персонажи по этнической принадлежности, атрибутам и ролям. Уже таких перемен оказывается достаточно для того, чтобы на основе одной схемы получать множество разных произведений.

Противоестественно полагать, будто на основе этой сюжетной схемы творческие усилия носителей фольклорной традиции ограничивались созданием всего лишь трех названных здесь былинных форм. Ведь эти былины, пройдя длительный стихийный отбор, закрепились в своем бытовании в разных местах расселения русских людей, именно в тех местах, куда на ранне второй половины XVIII в. стали попадать люди, принявшие записывать былины.

Однако это не означает, что до времени собирания не бытовало никаких иных произведений, в которых использовалась все та же сюжетная схема о похищении сестры героя и погоне за похитителем. Такие произведения вполне могли бытовать и там, куда так и не успели попасть собиратели. Что-то из них теоретически мог знать даже сосед того исполнителя, от кого собиратель записывал какую-нибудь известную былинку, но к этому соседу почему-то не обратился, и вместе со своим носителем текст ушел в небытие.

Из небытия тексты не выгашить, а одних логических построений, разумеется, недостаточно. Остается посмотреть, как разрабатывали тему похищения сестры родственные южные славяне. Для отыскания сходных произведений здесь прежде всего привлечена «Эрлангенская рукопись» — сборник песен, собранных в пределах нынешних границ Боснии и Герцеговины, Хорватии и Сербии приблизительно в 20-х гг. XVIII в. [ЭР]¹. Спустя столетие Вук Караджич принялся собирать песни и сказки и продолжал эту работу до второй половины XIX в. Несколько текстов из его собрания приводится ниже [ВК].

Со второй половины XIX в. эпические песни начали записывать болгарские собиратели. Они записывали настойчиво и в довольно большом числе сёл. И до сих пор почему-то остается незамеченным тот факт, что болгары в общей сложности записали текстов много больше, чем, вместе взятые, собиратели Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Собранный материал болгары описали в нескольких песенных указателях; как ни относиться к ним, а они помогают отыскивать нужные произведения. От болгар несколько отстают и хорваты, также усердно собиравшие эпические песни.

Предлагаемая здесь выборка южнославянских песен, разумеется, не предельна. Ее достаточно только для того, чтобы показать некоторое разнообразие решений темы похищения сестры.

В «Эрлангенской рукописи» имеется примечательная песня «Потурченец Нукица похитил сестру Вида Мильковича» (№ 138). Ее главный герой — потурченец, славянин-христианин, принявший ислам. Он возглавляет отряд из тридцати всадников. Выехав из Книна, городка в Далмации², Нукица рассуждает перед дружиной о том, куда бы им отправиться. Тут он похож на Алешу Поповича, который в начале былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» тоже рассуждал о трех местах, где можно было бы побывать, и выбрал Киев. Нукица из трех мест выбрал богатое село Вида Мильковича. Он опасается превосходства Вида по числу воинов и перед набегом решает разведать, дома ли Вида с его шестью сотнями всадников. Нукица заменяет своего белого коня воронком друга и переодевается — «превратился в воина бана»³. Он приехал к селу. Встречь идет сестра Мильковича,

С ней идут двенадцать служанок,
Подол несут, чтоб от росы не мокнул,
⁴⁵ Рукава <несут>, чтоб не осыпались,
Частый жемчуг и дорогие камни
[ЭР, 275].

Нукица пожелал ей Божьей помощи и попросил воды или вина. Он сразу

¹ О составе и других особенностях этой рукописи была подготовлена работа: [Смирнов 1989].

² Это к северу от приморского города Шибеника, близ современной границы с западной частью Герцеговины. В песне Книн включен в турецкие владения, что соответствует действительности XVI–XVII вв.

³ Бан (мадьяр.) — христианский правитель крупной области.

назвал ее сестрой Мильковича. Так она и прозывается по всему тексту. Ее собственное имя носитель текста почему-то не посчитал нужным произнести.

Сестра Мильковича подала Нукице кубок вина. Напившись, тот спросил, не отдаст ли Виде ему свою красивую сестру. На это девушка решительно отвечала:

Да ты спятил, воин бана,
65 Я своё лицо выхолила
Не для такого воина бана,
А я своё лицо выхолила
Для потурченца Нукицы
[Там же].

Только в этих словах слышится намек на то, что сестра Мильковича и Нукица где-то видели друг друга. Тут певец вроде бы пренебрег этим обстоятельством и не позволил сестре Мильковича узнать Нукицу в облачении христианского воина. Но, может быть, точнее было бы говорить об умолчании певца, позволяющем и иное истолкование: сестра Мильковича притворилась, будто она не узнала Нукицу; она сочла неблагоприятными обстоятельства для ее похищения во время этой встречи и чуть позже сама подказала условие, важное для похищения.

В ответ Нукица испытующе заметил: будь Нукица «сив зелен сокол», езди он на коне, быстром, как белая вила⁴, ему все равно не увезти сестру Мильковича от шести сотен всадников ее брата. Девушка тотчас ему возразила: будь они все соколы, езди они на конях, быстрых, как белая вила, шести сотням всадников не догнать Нукицу, если он поедет на своем белом коне.

Пожелав девушке оставаться с Богом, Нукица уехал к своей дружине:

Опять одел турецкую одежду
И навил белого полотна чалму,
Сел на своего белого коня и опять поехал
к селу богатому.

А сестра Мильковича собрала жниц на шестьдесят серпов,

Толока жнёт, а она при ней.

А как его девка увидала,

95 К нему летит, раскинула руки,
Под ним целует коня меж очей
И протянула обе белые руки.
Взял её молодой Нукица
И её метнул за себя на коня,

100 Трижды её поясом припоясал,
А четвёртый раз — от сабли перевязью,
И поехал полем ровным⁵.
Пока воины <Вида> коней оседдали,
Нукица до середины поля доехал.
105 Пока воины на коней воссели,
Нукица до середины леса доехал
[ЭР, 276].

И приехал к своей дружине. Его конь чувствует приближение погони. Едва Нукица сел на коня и посадил за собой девушку, как

На ту пору Виде Милькович
И его шесть сотен всадников
Порубили тридцать конников,
Лишь утёк младой Нукица

140 И увёз красивую девушку
[ЭР, 277].

Его нагнал один Виде. Нукица снял с коня девушку

И честно Вида встретил

155 Голой саблей и рукою правой,
Мильковичу голову отрубил
И её кинул в торбу у пояса.

Как отнеслась сестра к убийству брата, певец умолчал, предоставив слушателям строить свои догадки. При этом он помнил о девушке — Нукица

И посадил тонкую пленницу⁶

На её брата доброго конёчка,

160 И поехал в белый Книн.

На этом обычно завершают песню о похищении. Однако певец этого текста не удовольствовался такой концовкой. Он не забыл о гибели дружины и заставил

⁴ Вила — женское мифическое существо, родственное нашей русалке. Обитая в горных лесах, она оберегает водные источники. Она знает целительные травы. Ей свойственно опекать определенного эпического героя и приходить к нему на помощь.

⁵ Строки 98–102 — вариант типического места, которое непременно использовалось в песнях о похищении некой девушки или женщины.

⁶ Буквально «робиња», т.е. рабыня. Песни не знают слова «пленница (пленник)». Вместо него постоянно употребляются слова «роб (робиња)».

Нукицу кричать об этом во весь голос и на весь Книн. В ответ

165 Поднялись зелёные знамёна,
 <А юнаки> — как тёмные волки,
 Поехали на новую битву,
 Порубили шесть сотен воинов.

Как ни удивительно на первый взгляд, но концовка песни, после ст. 160, очень схожа по своему характеру с концовками некоторых советских литературных произведений и фильмов (ср., например, концовку фильма «Чапаев»). Боснийскую песню записали не позже 1720-х гг. — советские книги и фильмы создавались с 1920-х гг. В своей стереотипии социалистический реализм не уходил от фольклорной традиции. Как показывает пример этой концовки, социалистический реализм усваивал те фольклорные стереотипы, какие работали или должны были работать в складывающихся идеологических условиях. В этом смысле социалистический реализм можно назвать побочным потомком фольклорной традиции.

Приглядевшись к повествованию этой боснийской песни, нетрудно предугадать ее переделку с противоположным решением. В пору живого бытования традиции было легко заменить персонажи и места действия: вместо Книна исходным назвать Шибеник, находящийся несколько южнее, у моря; вместо потурченца поставить какого-нибудь христианина, лучше прославленного своими стычками с «турками» (боснийцами) хотя бы в эпических песнях; местом набега назвать чем-то приглянувшееся и ставшее в эпосе традиционным боснийское село; похищаемую девушку посчитать сестрой именитого бега, действительно существовавшего или эпического, и т.д. Не будет удивительным, если обнаружится запись очень схожей, но далматинской песни. Услышав боснийскую песню о похищении сестры их героя, далматинцы легко могли переделать песню на свой лад. Боснийцы, как видим, это умели делать уже не позже 1720-х гг. С изменением направленности песня могла постоянно переходить из одной этнической среды в другую. Потому песни такого типа следует называть эпическими/этническими двойниками.

При сравнении этой боснийской песни с былиной «Наезд литовцев» можно признать, что они соотносятся между собою как антитезы. Это означает, что там, где бытовала боснийская песня об удачном набеге потурченца, должна была бытовать песня с описанием гибели похитителя от руки брата похищенной девушки. В русских же условиях должна была бытовать былина, в которой пустившийся в погоню брат погибал от руки похитителя, — для этого нужно было, чтобы все персонажи принадлежали «нашей» этнической среде, но жили в разных местах (городах, княжествах).

Люди, жившие на пограничье Герцеговины с далматинским побережьем, в своих песнях о похищении сестры могли и вовсе исключить погоню брата как обязательную часть повествования. Примером тому служит песня «Воин и сестра Ивана»⁷. Отсылая любознательных к ее стихотворному переложению, ограничимся тут пересказом.

Пируют тридцать «мартоношей», славян-христиан, которых турки нанимали для охраны границы. Среди них Воин вдруг сказал: все вы женаты, а я неженат; у Ивана хороша сестра, я ее сватал — мне отказали, я ее сманивал — иди не хочет; так давайте увезем ее силой. Эта речь Воина похожа на речь Ивана Годиновича, которую в одноименной былине тот произнес перед своим дядюшкой князем Владимиром.

Тотчас мартоноши сели в лодки и отправились ко двору Ивана. Застучали копытами в ворота. Иван выскочил из дому, и его тут же изрубили саблями. А сестру Ивана (она так и осталась без имени) усадили в лодку и повезли ко двору Воина. По дороге девушка попросила развязать ей руки, чтобы умыть лицо. Едва умыла, лицо «засияло как солнце». Увидев это, Воин сказал: пусть сияет, «мне и матери сияет». На что сестра Ивана ответила:

Лучше я буду рыбам едою,
 Но не Воину женою,
 Мне не будет мужем убийца брата!
 [ВК, 74].

Судя по началу, где сказано об убийстве брата, песня прошла бытование

⁷ Стихотворное переложение: [ВК, 73–74].

в боснийской среде, тогда как концовка песни служит верным указателем на то, что песня несомненно бытовала и в среде христианской.

В следующей песне Иван получил прозвище Сенянин. Его прозвище происходит от названия города. Если ехать в Далмацию от г. Риеки по приморской дороге, то довольно скоро покажется старинный городок Сень. Он притаился на берегу пролива против южной оконечности крупного острова Крк. В XVI–XVII вв. Сень прославился как одно из мест, где собирались люди, чтобы затем совершать набеги на западные части Боснии и Герцеговины. Этих людей обычно называли «ускоками». По существу, они сдерживали наступление турок в западном направлении. Об ускоках сложено множество песен. И в песнях Сень превратился в эпический центр, к которому привязывались события, описываемые в песнях. Частым главным героем этих песен признавался Иван (Иво) Сенянин. В качестве персонажа его приняли и боснийцы. Они включили его в свои эпические песни и не отказывали себе в удовольствии воспевать набеги на подворье Ивана и даже описывать его гибель от руки боснийских «турок».

В составе цикла об этом герое есть и песня «Иво Сенянин избавляет девушек от турок» [Там же]⁸. Она начинается с письма некоего Мии Корабельщика. Он сообщил побратиму Асан-аге о том, что у Сеня их ждет богатая добыча: там к реке девушки ходят за водой.

Приготовления «турок», как сами себя называли боснийцы, их приезд к Сению, устройство засады, если все это и описывалось, в этом варианте опущено. Сразу после пересказа письма Мии повествуется уже о девушках. Поутру они приходят за водой, впереди всех сестра Ивана — и в этом тексте у нее нет имени. Она вспоминает про страшный сон, но содержание сна осталось нераскрытым. Певец, по-видимому, и тут допустил пропуск.

У него вдруг: соколами турки налетели, уток похватили, каждый турок захватил по девушке, а Мия Корабельщик — сестру Ивана и повез на коне. Она мила ему, он не может на нее наглядеться. А она ему

напомнила, что у нее три родных брата, которые и приведут ее домой. Мие не дано ответить пленнице, ибо вдруг (опять вдруг!) навстречу выехал Иво Сенянин. У него в каждой руке пистолет, а в зубах сабля. Сквозь саблю он назвал Мию Корабельщика по имени и прозвищу, а это, вероятно, значит, что Иво был по меньшей мере наслышан о похитителе. Он сказал Мие, что тот увез девушку, не получив подарков от шуринов: тонких платков — с острых сабель, зеленых груш — из ружей. И Сенянин тотчас выстрелил в Мию, отсек ему голову, вмиг потоптал, повыврубил всех турок и вернул девушек домой.

Здесь вместо погони за похитителем дана, если так можно выразиться, лобовая встреча брата похищенной девушки с похитителем. При этом ничего не сказано, узнал ли Сенянин о набеге и поспешил устроить засаду, или же его не было в Сене во время набега и его встреча с похитителем произошла нечаянно.

Антитезой выглядит песня о том, как девушка «у воды» обманула Иво Сенянина. Он сватал Ванджелену, но мать не отдала ее. Тогда Иво стал похвастаться, что он «налюбится лицом» Ванджелены, и принялся караулить ее у воды. Ванджелена переоделась в наряд подружки и благополучно набрала воды. Только после ее ухода Иво узнал от пастуха, что он упустил Ванджелену. Иво хлопнул себя по плечу так, что толстая ткань разорвалась. «И живое его сердце лопнуло» ([Hrvatske 1914, № 12], из рукописи 1798 г.). Нечаянная встреча с похитителем, возможно, не была придумана только для песни об Иво Сенянине. Похожая встреча дана, например, в песне «Яна и Миленко», записанной в г. Дубровнике, что на далматинском побережье.

Из всех братьев лишь младший Манойло не хотел отдать Яну за Миленка. Согласие почти всех братьев отдать сестру молодцу и славянское его имя без лишних слов указывает на то, что грядущие за этим песенные события произойдут в своей этнической среде и без противопоставления по вероисповеданию. Несогласие младшего брата, стало быть, вызвано несущественной причиной, и тут слушателям предоставляется возможность самим придумывать эту причину.

⁸ Некоторые подробности о собирательном образе Иво Сенянина см. в прим.: [BK, 484]. Некоторые сведения об исторических прототипах: [Maretić 1966, 210–211, 338].

Манойло уехал на охоту. И тогда Миленко увез Яну. Это уже трудно назвать похищением, поскольку Миленко заручился согласием почти всех братьев и без опаски увозил их сестру. На пути они встретили Манойла. И тот вдруг не стал противиться и пожелал сестре народить девять юнаков, а десятый сын чтобы уродился в него, в Манойла⁹.

Похититель девушки может жить прямо в его доме, что, наверное, облегчает похищение. Так, в частности, утверждается в боснийской песне «Молодец Никола бежал с сестрой бега Узумовича» [ЭР, 161]:

Нет другого бега на Герцеговине,
Каков есть бег Узумович!
Все у него слуги в скарлате,
Между ними молодец Никола,
⁵ Младой молодец, да не потурченный.
На нём всё шёлк зелёный,
Всё зелёный шёлк и бархат,
Его Фата красивая любит
[ЭР, 313].

Назвав молодца «дорогой душой моей», Фатима сама предлагает: укради коня братца моего, бега Узумовича, и укради его казну, белые гроши и желтые дукаты¹⁰, а я украду у матери ключи от сундука и возьму свои белые одежды,

И убежим через турецкую землю,
Через турецкую землю в гяурскую землю
[Там же, 314].

По сказанному девушкой любовники так и поступили. Верхом на вороном и на сером в яблоках конях они поскакали к границе.

А девушка к дороге непривычна,
³⁵ Да девушку жажда одолела
[Там же].

Проехав немного вперед, они нашли источник студеной водицы.

⁹ Здесь дана первая часть контаминации. Вторая представляет собой вариант другой песни, получившей широкое распространение, как правило, без связки с другими произведениями. Полностью эту контаминацию см. в стихотворном переложении: [ВК, 71–73].

¹⁰ Серебряные и золотые монеты.

¹¹ Строки 60–62 — это типическое место. Здесь с его привлечением кратко сказано о спешке Мустай-бега. И в русских былинах герой или героиня может выскочить в одной тонкой рубашке без пояса, сиречь без оберега, когда это случается врасплох или тоже в спешке.

И белые лица умывали,
И тогда немного поиграли,
Любились и два, и три раза,
⁵⁰ А в игре тогда и уснули.
В этом их застал и полдень
[Там же].

Между тем Муйо Узумович обнаружил исчезновение коней и сестры.

И взял острую саблю свою,
⁶⁰ И взял доброго коня своего,
Доброго коня неосёдланного,
Сам без пояса, в рубашке тонкой
[Там же]¹¹.

Певец не стал задерживаться на промежуточных эпизодах вроде выбора и седлания коня, поиска беглецов и скачки. У него бег быстро достиг беглецов.

⁶⁵ А Никола уснул у воды,
И рядом девушка Фатима,
Уснула у Николы на руке.
Тогда <бег> выхватил острую саблю
И Николе отсёк голову
[Там же].

Южнославянские певцы порой допускали убийство спящего противника. В отличие от них, русские сказители обычно твердо придерживались эпического правила: «сонного убить что мертвого». И это правило они вкладывали в уста того героя, который заставлял спящим настоящего или мнимого противника. Вот и в былине «Наезд литовцев» князь Роман даже не подумал о том, чтобы убить спящих похитителей.

Только после гибели Николы пробудилась Фатима:

О, мой брат, убей тебя Боже,
Погубил ты Нику — моё злато!

Тогда молвил бег:

⁷⁵ Ай же, Фато, не знай тебя Боже,
Ведь ты мне не сказывала,

Что у тебя Никола — любимый.
Я бы Николу потурчил
И на тебе Николу оженил бы.
80 И он взял воронка и серка,
И забрал казну несчитанную,
Несчитанные гроши и дукаты,
И поехал ко двору белому
[Там же].

А судьба его сестры осталась неизвестной. Певец предоставил слушателям вообразить и, может быть, даже спорить между собой, как поступил бег: убил ли сестру, просто бросил на дороге или все-таки отвез домой.

Помещение похитителя в жилище девушки, скорее всего, не было придумано боснийцами. Для начала текста оно стало продуктивным. Его обыгрывали в разных песнях-двойниках на пограничье Боснии и Герцеговины с христианскими соседями. Помимо пограничья, похожие песни знали и в других местах. В той же «Эрлангенской рукописи» имеется песня «Милош Охридянин и воевода Янко» [ЭР, № 50], в которой события происходят только в христианской среде. Похититель изображен как чужак, приехавший из дальнего Охрида, древнего славянского города в Вардарской Македонии. Милош прослужил у воеводы Янка девять лет, и лишь тогда воевода поинтересовался, отчего это Милош прослужил столько лет и не попросил платы. И Милош вдруг раскрылся:

У меня денег больше, чем у тебя,
У меня кони лучше твоих,
У меня подворье краше твоего,
У меня слуг больше, чем у тебя.
15 Я служу тебе за-ради Яны,
За-ради Яны, красивой сестры твоей
[ЭР, 101].

Казалось бы, лучшего, чем Милош, жениха воеводе не дожидаться, но он без каких-либо пояснений отверг Милоша:

20 Я не дал бы тебе и служанку,
А не то что Яну, сестру мою
[Там же].

Разгневанный Милош бродит по двору и вдруг сталкивается со служанкой девушки. Он называет ее сестрой, чем обяывает служанку относиться к нему как к родному брату. Милош дает ей денег и просит

пустить к Яне. Служанка запустила Милоша в покой, и произошла жаркая встреча: «любились до полуночи». Потом Милош ушел с конями в ночное, а на другой день сказался больным, лег и долго не поднимался. Спустя полгода Яна сумела сообщить:

О, Милош, дорогая душа моя,
Сделай, душа, что можешь сделать, —
Живое у меня чадо под поясом
[ЭР, 102].

Милош резко ответил ей:

Грызи, душа, траву чемерику,
Авовь чадо и отравится
[Там же].

Яна ему возразила: она уже «лик почернила» у рода своего, а теперь Милош хочет, чтоб она «бросила душу в пекло». Яна предложила любовнику украсть коней и вместе бежать в белый Охрид. Ее желание исполняется.

Поутру воевода Янко обнаружил исчезновение сестры и Милоша. Он догадался об их бегстве. Взяв слугу Михаила, воевода пустился вдогонку. Певец мгновенно переместил преследователей:

Проехали ровным полем,
Стали приближаться к Милошу
[ЭР, 103].

Яна заметила погоню и сказала об этом Милошу. Тот готов отстреливаться, ведь у него ружье, —

Куда <ружье> глянет, туда ударит,
Куда ударит, не переболеет
[Там же].

Воевода Янко тоже готов стрелять, но в последнюю минуту спрашивает слугу, не пора ли стрелять. Один слуга Михаил сохранил рассудочность и посоветовал воеводе:

125 Подари ему Яну, сестру твою,
Ведь Яна ему суженая
[Там же].

И певец тотчас поспешил своими словами подтвердить примирение.

Тогда они по-доброму («лепо») встретились,
Янко ему подарил Яну,

А он Янке — тонкое ружье¹² свое
[Там же].

После обмена они по-доброму («лепо») расцеловались и распрощались.

Милош поехал в белый Охрид,
Янко — к белому двору своему
[Там же].

В далматинских песнях о похищении сестры видного турка иногда тоже описывалось мирное расставание похитителя с братом девушки. Примером служит хорошо известная песня «Женитьба Стояна Янковича» по тексту, опубликованному Вуком Караджичем [Караџић 1958, № 21]¹³ Это одна из немногих песен христиан, где у далматинцев выступает этот эпический герой¹⁴.

Исторический прототип Стояна Янковича — более поздний, чем самый поздний из прототипов Иво Сенянина: Иван Влаткович погиб в 1612 г., Стояна Янковича убили в 1688 г. Следовательно, песни о Стояне складывались не раньше второй половины XVII в. и, скорее, еще позже. О его прототипе не приводятся документы. Неизвестно, обращался ли кто-нибудь к архивам Венеции и, может быть, других мест Италии. Ведь Стоян Янкович воевал лет двадцать при поддержке или прямо под знаменем Венецианской республики, которая наградила его титулом рыцаря св. Марка, золотой цепью в сто дукатов и месячной платой в двадцать пять дукатов. Он был сердаром, как в то время называли главу и военачальника области, включающей самоуправляющиеся поселения славян-христиан. Он успешно удерживал под своей властью обширную область Котары, чье название и теперь можно найти на современных картах.

Котары — это довольно широкий полуостров, протянувшийся по далматинскому

побережью с северо-запада на юго-восток. В северо-западной его части стоит г. Збдар, у юго-восточной окраины — г. Шибеник. С севера над Котарами нависает Лика. От материка его отделяет гряда невысоких гор, скорее холмов, а большую часть полуострова покрывает равнина. Наверное, поэтому в фольклоре часто встречается устойчивое выражение «ровные Котары». Это выражение усвоили и некоторые картографы — они по всему изображению полуострова стали четко писать **ravni Kotari**.

Трудно сказать, существовал ли у далматинцев хорошо выраженный цикл песен о Стояне Янковиче. В отличие от Иво Сенянина, Стояна Янковича, похоже, воспевали меньше именно те, кем он правил и с кем сражался против «турок». У славян-христиан о нем нашли две песни: «Плен Стояна Янковича»¹⁵ и «Женитьба Стояна Янковича». Зато славяне-мусульмане соседней Герцеговины посвятили этому герою по меньшей мере с десяток эпических песен¹⁶. Так, выясняется, что эпический цикл может быть сложен не только об этнически «своем» герое, но и об этническом противнике. «Турки» полагали, что Стоян неуязвим от свинцовых пуль. Они подыскивали пулю в виде двух пшеничных зерен, «облитых» золотом, — ею они, наконец, погубили воинственного сердара.

Песня о женитьбе Стояна Янковича вряд ли получала широкое распространение хотя бы потому, что в других местах имелись свои эпические герои, которые тоже умели похищать девушек в чужом краю. Тем удивительнее считать запись этой песни сделанной довольно далеко от Далмации. Не позже 1950 г., но уже после войны, собиратель А. П. Мартинов встретил Найдена Симова Герова, 49-летнего жителя с. Супица, что близ г. Перника, несколько юго-западнее Софии. Сказитель пропел на

¹² Ручные фузеи или пищали в XVII–XVIII вв. стали заменяться ружьями с длинными стволами. По сравнению с фузеями ружья действительно выглядели тонкими. Они были легче, а длинный ствол позволял обеспечить стрельбу поточнее и на большее расстояние. Их преимущество и отразилось в песнях сербскохорватского ареала в виде устойчивого выражения «тонкое ружье».

¹³ Во всех полных изданиях этого собрания нумерация текстов одна и та же. Отчасти в своем сжатом изложении, отчасти в цитатах без перевода этот текст давно представлен русскому просвещенному читателю: [Халанский 1890, 603–606].

¹⁴ Сведения о его историческом прототипе: [ХНП 3, 607–610; Maretić 1966, 169–170].

¹⁵ Стихотворное переложение см.: [ВК, 285–288].

¹⁶ См., например: [ХНП 3, № 18–20]; в примечаниях пересказаны еще четыре боснийские песни [Там же, 608–609]. Этого числа самостоятельных произведений уже достаточно для того, чтобы признать существование цикла о Стояне Янковиче.

запись песни, явно не входящие в болгарский традиционный репертуар. Собиранитель заметил, что в текстах употреблены неместные («неграовские») слова, и некоторые объяснил в примечаниях. Может быть, он догадался или даже узнал об источниках, из которых сказитель усваивал тексты, однако не предложил своих суждений об этом. Натянутые отношения с Югославией, по видимому, требовали умолчания даже по части фольклорных связей.

Между тем в тексте Герова¹⁷ передана версия, очень близкая той, которую все знают по далматинской песне «Женитьба Стояна Янковича», помещенной в сборнике Вука Караджича. Можно строить разные предположения, как песню переносили из Далмации в Западную Болгарию¹⁸, но нельзя не признать факта заимствования. Песню усвоили, вероятно, незадолго до времени записи, ибо в ней не успели заменить все слова и выражения оригинала. Множество мелких отличий, явно идущих от оригинала, позволяют утверждать, что текст Герова ведет свое происхождение из устного источника, оставшегося неизвестным.

Также неизвестно, кто дал песне название «Стоян Вистович похитил сестру Муста-бега». В названии сразу же приведены имена ведущих персонажей. Непонятно, однако, почему Стоян назван не Янковичем, а Вистовичем. Поиск подходящего имени типа Висто оказался тщетным. Может быть, фамилия Вистович получилась по ослышке. Первоначально было имя Христо, которое в западной части Балкан обычно произносилось без начального Х. Образованную от имени Ристо фамилию Ристич могли затем оболгарить как Ристов, а затем, памятуя, что правильно будет окончание на «ич», стали произносить Ристович, после чего такая форма по ослышке в устной передаче стала звучать как Вистович.

Имяprotivника Вистовича Муста-бег передано почти точно. В эпических традициях хорватов и боснийцев это Мустай-бег: именно таково неизменно написание

этого имени. В болгарском же тексте слово «бег», видимо, понято как еще одно имя героя. Один раз оно даже написано как фамилия: Бегов (ст. 5). Во всех других случаях дается форма Бего с непременной заглавной буквой и без дефиса, соединяющего с именем Муста.

Примечателен эпитет «личен», прикрепленный в болгарском тексте к имени Муста-бега (ст. 5, 84, 91, 97, 101, 112, 116 и др.). Он явно свидетельствует о том, что болгарин усваивал текст с устного исполнения. У хорватов и боснийцев имя Мустай-бега обычно сопровождается эпитетом Лички, указывающим на место проживания героя. Ликой и теперь называется обширная по тамошним меркам округа. Некогда Лика была крайним западом Герцеговины. Ее, если верить фольклору, населяли самые ревностные «турки», как сами себя называли славяне, принявшие ислам. Со временем «турки» были оттеснены на восток, а Лика стала пограничной окраиной Хорватии. Услышав слово «Лички», болгарин понял его как синоним употребляемого в его родных песнях эпитета «личен» в значении «видный, осанистый». Неверно понятое и переведенное слово — это тоже след заимствования.

Центром Лики некогда был небольшой город Удбина. Именно Лика в песнях боснийцев изображается как эпический центр, по своей роли вполне сопоставимой с русским былинным Киевом, а мудрым правителем Лики неизменно называется Мустай-бег. На западе Лике противостоял Сень, на юге — Котары.

Насколько известно, впервые имя Мустай-бега появилось в одной из песен «Эрлангенской рукописи» (№ 120): бан Бани-Луки получил громадный выкуп за плененного Мустай-бега, но все равно отрубил ему голову. В «Эрлангенской рукописи» помещены десятки собственно боснийских песен, однако других текстов о Мустай-беге в ней нет.

По преданиям¹⁹, Мустай-бег родился и жил в Мостаре, городе в южной части

¹⁷ Граово — небольшой горный массив к западу от Софии.

¹⁸ Самое простое предположение: Геров был в составе какого-то болгарского подразделения, которое привлекалось немцами в борьбе с партизанами где-то в западной части Боснии или Герцеговины. Или, напротив, какой-то далматинец перебрался из титовской Югославии и прижился в районе Перника, где с ним и встречался Геров.

¹⁹ Здесь и далее используются материалы из сб.: [ХНП 3]. На с. L—LI — сводка самого Л. Марьяновича; с. 585—586 — сводка по преданиям и песням исполнителей. В подавляющем большинстве песен этого тома непременным героем выступает Мустай-бег.

Герцеговины, близ далматинской границы. Местный паша попытался завладеть его девушкой, Мустай убил пашу и вместе с девушкой бежал в чужие края. Он нашел пристанище в Удбине, завоевал признание личан, возглавил их и провозгласил себя бегом, что позволялось по боснийскому обычаю. Помимо собственного дома, у Мустай-бега имелись официальные палаты («беглук»).

Русские сказители любили начинать былинку с описания пира у князя Владимира — у них в самый разгар пира соответствующий персонаж открывал движение повествования. В отличие от русских, боснийские певцы, наверное, и помыслить не могли о том, чтобы позволить своим эпическим героям пировать, да еще так, как об этом пели русские сказители. У боснийцев в эпосе соблюдался официальный запрет на употребление спиртных напитков. В палатах Мустай-бег и его приближенные пили кофе, реже шербет, и притом еще курили в ожидании первой речи соответствующего персонажа. В окружении видных людей Мустай-бег внимал речам, советовал и судил, мирил и наказывал, утешал и награждал, принимал на службу и помогал обиженным. Тут он выслушивал «уходников», собравшихся в набег или вернувшихся из набега. Он сам участвовал в походах и не был в них сторонним наблюдателем. Судя по песням, его нередко захватывали в плен, но обычно затем наступало его избавление. Циклизация песен о нем, естественно, состояла и в том, что Мустай-бегу стали приписывать деяния его эпических предшественников или современников. Иначе говоря, его именем заменяли имена первоначальных персонажей. Примечательна логика эпического творчества боснийцев. Цикл о Мустай-беге складывался не ранее второй половины XVII в., а внушительный он стал несомненно позже и, судя по записям, продолжал разрастаться даже в 1930-е гг. Поздний вид цикла очевиден. И тем поразительнее, что в нем просвечивает логика творчества, довольно схожая

с той, которая четко выступает в былинах так называемого Владимирова цикла.

До сих пор, по-видимому, неизвестно, сколько всего песен связано с именем Мустай-бега. Их число, вероятно, меньше, чем число песен о Марке Краевиче в пределах сербскохорватского ареала, зато они огромны по числу стихов. В записях второй половины XIX в. и первой половины XX в., сделанных от боснийских мужчин, эпические песни предстают почти как бесконечные.

По сравнению с ними песни далматинцев выглядят сжатыми и потому более энергичными. Одним из доказательств этому и служит песня о похищении сестры Мустай-бега, в частности переданная на запись болгаринем Геровым.

Его песня начинается с типического места, описывающего выезд на заре чты (отряда) из города. Здесь из ворот Удбины «выскачили» сорок всадников во главе с Мустай-бегом²⁰. Они поехали на охоту в ельник. Бега жажда «ожбрила». Он, предупредив товарищей, один спускается под гору, к двум тонким тополям, где имеется студеный источник. Там он вдруг увидел «страшного юнака», спящего на траве:

Когда дышит, аж ветки шевелит, —
Как выдохнет, ветки к небу поднимаются;
Как вдохнёт, ветки земли касаются²¹
[СБНУ, 73].

Рядом с юнаком лежала сабля, цену которой Мустай-бег вмиг определил стоимостью в три царских города²². Такая цена неожиданна. Она не переведена в какие-то более понятные величины, хотя бы, например, во вьюки золота, числом которых в эпических песнях боснийцев и хорватов определяли величину выкупа пленника.

К сабле Геров прикрепил эпитет «отклопница», а собиратель, судя по умолчанию, не спросил, что певец разумел, прибегнув к этому эпитету. Вполне вероятно, что Геров имел в виду сталь высшего качества или же считал эпитет «отклопница» всего лишь синонимом эпитета «дамаскиня» (дамасской

²⁰ Описано с помощью распространенного типического места. Сходное начало, например, в песне «Сенянин Тадия»: [ВК, 288].

²¹ Это типическое место. Оно довольно редко встречается в болгарском эпосе, а в далматинских и боснийских песнях не попало. Этим дыханием подчеркивается мощь спящего юнака.

²² В фольклоре южных славян, включая боснийцев, монарха Турецкой империи часто называли не султаном, а царем.

стали или дамасского происхождения), самого распространенного в песнях южных славян. Но, кроме Герова, никто из певцов не называл саблю «отклопницей». Насколько позволяют доступные источники, можно утверждать, что в болгарском эпосе такое слово не употреблялось. Подсказку дает сербскохорватский язык, в котором имеется слово «уклоп». Оно стало многозначным. Им называли старинные доспехи: броню, панцирь, даже кольчугу, позже и кирасу, а также доспех вообще. Певцы, как правило, ничем не намекали на то значение слова «оклоп», какое они, вероятно, вкладывали, а собиратели не спрашивали их об этом. Отсутствие пояснений позволяло людям, почему-либо обратившимся к песням, придавать слову «оклоп» значение, приемлемое для них самих, но совсем необязательное для певцов.

Судя по неожиданному слову «отклопница», Геров слышал слово «оклоп», а может быть, еще и слово «отклопници» в значении «всадники в тяжелых доспехах». Он посчитал, что слово относится к сабле.

Далее у него Мустай-бег увидел на юнаке шелковый доломан, верхнюю мужскую одежду вроде кафтана. Доломан, конечно, мог быть покрыт шелком, нашитым на толстое шерстяное сукно, но тогда к шелку, наверное, нельзя было бы прикрепить тяжелые пуговицы. Идеализируя наряд юнака, Геров не подумал о том, чтобы описать его убедительно и правдоподобно.

Певец дал бегу время подсчитать число пуговиц на доломане спящего юнака. Их оказалось тридцать. Они конечно же были отлиты из золота. Бег даже определил их вес. Каждая пуговица непомерна велика — не менее 150 г по нашей современной мерке: а ведь бег сумел определить вес на глазок! Невозможно вообразить тридцать столь тяжелых пуговиц, пришитых к шелковой одежде. Очевидно, что Геров и тут ошибся, воспринимая песню на слух. Далмагинец, наверное, описывал «токе» — металлические пластины, которые пришивали к передней части одежды (доломана и т.п.). «Токе» заменяли литой доспех. Они были легче панциря, но в бою лишь частично защищали тело. Геров и тут соединил в один предмет две разные части снаряжения.

После пуговиц певец позволил Мусай-бегу рассмотреть детали собольей шапки спящего юнака и, в частности, подсчитать,

что на ней торчат девять перьев. Геров не уточнил, что это за перья и зачем нужно носить целый пук из них. Скорее всего, он ничего не знал об этом, иначе не преминул бы блеснуть своим знанием. Между тем еще в XVII в. на Балканах перья служили воинской наградой, до грядущих орденов и медалей. Перья могли быть птичьими, например страусиными, или отливались из золота или серебра. Пук перьев на шапке, на шлеме или на чалме издавна свидетельствовал о воинских способностях носителя. Число перьев означало число наград. Глядя на девять перьев, Мустай-бег сумел быстро догадаться, что в своей среде спящий юнак был прославленным воином.

В былинах русский богатырь, сочтя спящего воина противником, спешит его разбудить и вызывает на поединок, который многие певцы описывали с помощью иностранных типических мест. На Балканах эта последовательность повествования была несвойственна. И в этой далматинской песне, усвоенной болгаринном, при всех подходящих поворотах повествования главным героям не позволено сразиться и победой утвердить свое превосходство и право на награду.

Мустай-бег даже определил, что юнак был пьяным, но и на такого, спящего и пьяного, он в одиночку не решился наброситься. Он позвал всех своих товарищей, и они принялись вязать юнака. Пока связали руки, тот успел убить семерых — про убиенных певец далее даже не упоминал. Со связанными сзади руками юнака погнали в Удбину. На него же повесили его саблю, притом с правого бока, видимо, чтобы в случае чего затруднить выдергивание сабли из ножен. По дороге бег спросил пленника:

65 Откуда ты, из какой земли
Ты попал в турецкий уезд,
Какого племени и колена
И по имени как именуешься,
И почто ты попал в турецкий уезд?
[Там же].

Почти в точности в тех же словах спрашивает русский богатырь встреченного незнакомца. В былинах чужак отвечает обычно только после третьего раза расспросов. А здесь юнак ответил бегу сразу же:

Коль меня спрашиваешь, скажу тебе
правду.

Я родом из староболгарского (!) Котаре,
По имени я зовусь Вистович Стоян
[Там же, 73–74].

Трудно поверить тому, что собиратель Мартинов не заинтересовался у певца, где же это находится «староболгарское Котаре». Он, наверное, спросил, но получил ответ, который не решился воспроизвести. Натянутые в ту пору отношения между Болгарией и Югославией вызывали по меньшей мере предубеждение у болгарских начальников ко всякому упоминанию о чем-либо из сербскохорватского ареала, а это в свою очередь могло исключить публикацию песни.

У болгар в говорах иногда звучит слово «котара» в значении «кошара, овчарня». Знал ли певец Геров это слово, неизвестно, но даже если бы знал, он не позволил бы себе превратить кошару в родину героя. Сам певец или его предшественник пытался переосмыслить непереуведенное название. Хорваты, правда, использовали слово «котар» и в нарицательном смысле, в значении административной единицы, типа уезда, однако в песне подразумевается название, иначе это слово не было бы написано с большой буквы. «Ровные Котары» Далмации у Герова превратились в «староболгарское Котаре» — издревле болгарскую область.

На Мустай-бега имя Стояна не произвело впечатления. А ведь ему полагалось бы знать имя, пусть и понаслышке, если бы в тексте фигурировал именно Янкович. Отсутствие у него отклика на громкое имя сердара соседней враждебной области побуждает предполагать, что фамилия Янкович, которую носит Стоян в тексте Караджича, была вставлена там отнюдь не создателями этой песни. Ее вставили позже, в ходе бытования. Кому-то из носителей песни очень захотелось противопоставить сердара бегу и вместе с тем породнить их. По передаче текста болгарским певцом неясно, насколько четко это было проведено далматинцами. Болгарин мог почему-либо и опустить несколько стихов, где бы подчеркивалось противопоставление, ибо он мог попросту не знать социальных ролей

сердара и бега и связанных с ними реалий, отложившихся еще в других песнях, а также в преданиях.

Назвавшись, Стоян тотчас и прямо поведал Мустай-бегу:

⁷⁵ А поехал к твоей белой башне²³,
Чтоб приехать к твоей милой сестре,
К милой сестре красивой Айкуне,
Чтоб вызвать её под твою белую башню,
Под башню её снова вызвать
⁸⁰ И ко мне чтобы она пришла.
Хотелось её метнуть на коня за себя
И увезти, чтоб женой мне была,
Да меня клятое пиво прихватило
[Там же, 74].

Мустай-бег в ответ заметил:

Хочется <иметь> Айкуну-девушку,
А Айкуна веру изменит ли?

— и спросил Стояна, не хочет ли тот «веру изменить», турком стать. Стоян ответил грубостью:

Из Болгарии свиней пригоню,
В Цариграде свиней зарежу,
⁹⁵ Чтобы там свинину ели,
Тогда я веру съемю!
[Там же].

Бег не разгневался. Он уверен:

Если ты подобру веру не сменишь,
Поневоле турком станешь
[Там же].

На это Стоян отвечал уже угрозой: если он не вернется, то завтра, до восхода солнца, «наши котарчене» нападут и всех заколют, «если меня живым не оставите». Бег смолчал и отправил Стояна в темницу. Сам же он, по своему обычаю, принял расхаживать по городу и хвалиться тем, что поймал страшного юнака, — так уверял болгарский певец, между тем в боснийских песнях подобная похвальба Мустай-бега не встретила.

В тексте, опубликованном Караджичем, не звучат грубость и угроза Стояна

²³ Так здесь переведено слово «кула», арабское по происхождению. В болгарском эпосе оно довольно редкое по сравнению с его употреблением в эпических песнях боснийцев и хорватов. Неясно, как понимал это слово болгарский певец. Первоначально слово «кула» связывалось с каменными постройками вроде тех, какие еще уцелели, например, в Ингушетии. Позже так стали называть каменные здания в два-три этажа и с вестительным подвалом.

и не рассказывается о похвальбе бега. Другие контрольные тексты, даже если они где-то существуют, остаются недоступными. Поэтому приходится принять за традиционное выражение эпической меры ту, которая дана в тексте у Караджича. И тогда нужно будет согласиться с тем, что части текста, в которых Геров пропел о грубости, угрозе и похвальбе, придуманы, вероятнее всего, им самим.

Забыв на время о юнаке и беге, певец ввел в действие Айкуну. Она видела, как вели Стояна, и он ей очень понравился («млого аресала»). Айкуна написала Стояну письмо, в котором без обиняков спросила:

Хочешь ли веру изменить,
135 Чтобы взять <замуж> Айкуну-девушку?
[Там же].

Кроме письма, Айкуна опустила в темницу и ведро вина. Певец не сказал, откуда у Стояна появились письменные принадлежности, но они вдруг случились, и, попивая вино, юнак ответил своим длинным посланием:

Я не хочу веру менять.
Если меня из затвора не вызволишь,
Нынче придут наши котарчене
Из того староболгарского Котаре,
145 И они Стояна Вистовича
В Удбине-граде у турок поищут.
Если меня они живым не найдут,
Всё живое будут губить
И тебя молодую погубят
[Там же].

Не угроза подействовала на девушку.

Ведь сильное чувство Айкуна имела,—
сухо заметил певец.

Айкуна притворилась больной, приласкалась к брату и вынула у него из кармана ключи от темницы. Пока бег снова ходил по городу и хвастался, его сестра выпустила Стояна из темницы. Она уже решила на побег, а потому сразу спросила юнака:

185 Два ли коня справим
И сколько со мной злата возьмём?

Стояну довольно одних коней:

190 А злата ты не бери.
Сколь ваша белая башня,
Столь у меня злата немереного,
Мне злата не требуется,
Только тебя хочу с собою.

Побег заметила жена бега и из «вестового ружья» подала сигнал мужу.

210 У турок имелся обычай
Коней осёдланными держать.

Поэтому Мустай-бег быстро собрал отряд, еще того быстрее догнал беглецов на границе. Стоян велел Айкуне пересечь границу и не смотреть, как он будет губить турок. У него вдруг оказалась сабля. Едва он вынул ее из ножен,

Как всех турок быстро погубил —
Сорок товарищей бега,
Напоследки и бегу хотел

230 Ему голову отрубить,
А Айкуна его за руку схватила,
И Стояна она просила:
«Умоляю тебя, Вистович Стоян,
Не моги брата моего погубить!

235 Он меня благословит,
Чтоб тебе женой была,
А свяжи ему руки сзади
И его верни восвоися,
Ведь нас только двое у матери».

240 Стоян это сделал,
И домой он поехал
С Айкуной, девушкой красивой,
В это староболгарское Котаре
[Там же, 75].

Ни у кого из персонажей не нашлось слов на прощание,— оставаясь верным традиции далматинцев и боснийцев, болгарский певец не позволил им расстаться с какими-либо пожеланиями. Он также не стал домысливать о возможном общении или хотя бы о переписке персонажей спустя какое-то время после расставания.

Поскольку сердар и бег поладили миром и породнились, логично предполагать, что родственные узы героев должны были заинтересовать какого-либо сказителя и побудить его развить тему родства в нарочно созданной песне. О таких опытах творчества узнать не удастся.

В этой песне Стоян по собственной воле похищает сестру своего противника. Но, оказывается, воля похитителя уже

в другой песне может быть подкреплена серьезным письменным договором с сердаром, которому почему-то сильно захотелось, чтобы не он, сердар, сам, а какой-нибудь удалец похитил сестру стража стамбульских ворот. Поразительно, но такую песню — «Знаменщик Хойман похитил турчанку Айкуну» — записали от того же Найдена Герова [Там же, 69–73]. Она почти вдвое длиннее песни о Стояне Вистовиче и, следовательно, более сложная по составу.

Главный герой песни Хойман (совершенно необычное имя!) долго договаривался с сердаром Тодором об условиях похищения девушки и наконец согласился на определенные условия. После этого он съездил домой и выслушал свою мать. Оттуда он поехал к своей двоюродной сестре, которая почему-то живет в гордом одиночестве, и получил от нее дядиного крылатого коня и восемьдесят арканов, «кои ловят восемьдесят юнаков». На коне он прилетел в Стамбул, опустил прямо во двор усадьбы своего противника, где девушки водили хоровод. Хойман высмотрел среди них Айкуну и познакомился с ней. С помощью хитрости и обмана Хойман сумел вытащить Айкуну из дома, посадить на коня сзади себя и уехать.

Все эти эпизоды повествования занимают большую часть песни. Они требуют многих пояснений, уводящих от темы похищения сестры противника и погони за похитителем. И эта песня бытовала явно где-то на хорватско-герцеговинском пограничье. В ней обнаруживаются слова и словосочетания, свидетельствующие о том, что ее пели то мусульмане, то христиане. Иначе говоря, песня принадлежит к числу двойников, переходивших из одной этнической среды в другую.

Тут поневоле приходится ограничиваться рассмотрением лишь заключительной части песни о знаменщике Хоймане. В ней Айкуна первая увидела приближение погони. Она даже сумела подсчитать преследователей и сказать Хойману:

Брат мой едет с тридцатью собаками
И с шестьюдесятью верными слугами,
Скоро к нам он приедет,
385 Тебя, младого, он погубит,
А меня он продаст.

В ответ Хойман попросил Айкуну отодвинуться «немного вон туда»:

390 Мы с братом твоим будем сражаться.
Когда мы с братом твоим сразимся,
Ты, Айкуна, не испугайся.

Но никакого сражения не произошло. Хойман вытащил заранее припасенные восемьдесят арканов и принялся набрасывать на погоню. Вмиг собаки и люди оказались захваченными и стянутыми настолько, что не смогли двигаться, — описание такого способа борьбы с врагами, кроме этой песни, более не встретилось. Пленив погоню, Хойман затем стал рубить собак и людей. Последним оставался брат Айкуны Муе. Хойман занес над ним саблю,

Айкуна его за руку схватила,
И Хоймана она умоляла:
... Не смей брата моего губить!

410 Ведь нас только двое,
Только двое у матери и у отца,
Другого рождения от матери не имеем.
Брата моего помилуй,
Тебе женою я буду.

Тут заговорил и Муе:

«Эй, Хойман, ты большой юнак,
Отдаю тебе красивую Айкуну!»
Тогда ему Хойман ему сзади руки связал

420 И его назад домой отправил,
А с ним Айкуна поехала.

Бросается в глаза сходство концовок обеих песен, записанных от Герова. Отсутствие контрольных текстов не позволяет определить причину схождения.

Болгарские собиратели записали тысячи песен. Среди них одних юнацких, похожих на былины, имеются сотни самостоятельных произведений. Но песен, подобных тем, какие пропел Геров, найти не удастся. В пору собирания у болгар, наверное, была изжита и память об удалых набегах своего героя с целью похищения сестры некоего этнического/эпического противника. Заимствуя у далматинцев, Геров старался придать текстам болгарское обличье. Он даже сделал «ровные Котары» староболгарским Котаре — очевидно, вековой родиной болгар. Наблюдений за его опытом, по-видимому, не случилось. Неизвестно, подхватил ли эти песни кто-нибудь из окружения Герова.

Собственно болгарские песни о похищении сестры иные. В некоторых из них

похищение происходит даже на глазах у брата, но ему не дано тотчас биться с похитителями или пускаться за ними в погоню и губить их на стоянке. Описание погони редко встречается в болгарских песнях. Оно имеется, в частности, в песне, где похищение заменено продажей сестры, тут дается наше название: «Брат спьяну продал сестру туркам».

Болгары не считали эту песню юнацкой, наверное, потому, что певцы не пытались, идеализируя, превращать главного ее героя в настоящего эпического юнака. Однако приземленность главного героя не изменила повествовательный характер песни. Вполне вероятно, что создатели песни, не слишком разобравшись, приняли традиционную у турок уплату калыма за сугубо меркантильную куплю-продажу сестры героя.

Песня получила распространение во многих местах Болгарии, даже у болгар-мусульман на юге страны. Она бытовала с разными именами персонажей и в разных версиях. Это означает, что у людей было достаточно времени на то, чтобы придумывать версии, отбирать из них почему-либо более приемлемые и закреплять их в бытовании путем передачи несколькими поколениями носителей. Следовательно, песня принадлежит к числу давних образований.

Один из ее вариантов был записан среди болгар, возвратившихся из Малой Азии и поселившихся на северо-востоке Болгарии [Русакиев 1956, 86–87, № 118]. В ней рассказывается о приезде к Милану, жившему в неназванном месте трех турок, трех анадольцев (уроженцев Анатолии). Милан их встретил, ввел в дом, угостил и напоил, после чего турки пожелали, чтобы Милан отвел их к большому девичьему хороводу. Милан отвел турок. Разглядывая девушек, они выделили ту, которая оказалась сестрой Милана, о чем они ему и сказали:

Твоя сестра Петкана
Лучше других пела и плясала,
Краше всех девушек,
³⁵ Самая белая и румяная,
Самая тонкая и высокая.
Милан, продашь ли её?
[Там же, 86].

И тут же они предложили цену в желтых алтынах и белых грошах (золотых

и серебряных монетах). Далее певица была предельно скупой на стихи:

⁴⁰ Милан пьяным оказался,
Он сестру продал.
И лёг Милан, и уснул
[Там же].

Как турки увозили сестру, не говорится. Действие переведено на ее брата. Во сне его одолела жажда. Он кличет сестру, требуя принести воды. Обругав Милана, жена напомнила ему о продаже сестры. Тогда Милан молча

Вывел конёчка кормлёного,
⁶⁰ Взял саблю френгию²⁴,
И на конёчка сядился,
И конёчку говорил:
«Если Петканку догонишь,
Ноги тебе посеребряю,
⁶⁵ Гриву тебе позолочу».
Конёчек взлетел, полетел,
Минул поле широкое,
Достиг леса зелёного,
Догнал турок иноверцев
⁷⁰ Как раз в лесу зелёном.
Петкана назад оглянулась,
Увидала брата своего Милана
[Там же, 86–87].

А туркам не дано увидеть погоню. Они и не слышат погони. А тут еще Петкана объявила, что ей пить хочется. Пока турки дивились и маялись, не зная, где найти воды,

Милан турок догнал
И у них головы снял,
И себе Петкану забрал
[Там же, 87].

Певица из Северной Добруджи заключительную часть своего варианта сделала еще более краткой:

³⁵ Милан коника вывел
И на коника вскочил,
И вдогонку поехал,
И он турок нагнал,
На кусочки их порубил
⁴⁰ И Петкану избавил
[Северна Добдуджа 1923, 181–182].

В западной части страны, близ Софии, знали, напротив, пространную версию

²⁴ Френгия (букв. франкская) — сабля западноевропейской работы.

песни. В одной из них [Иванов 1949] брат — уже не Милан, а Стоян, носитель имени, ставшего в болгарских песнях нарицательным, наподобие Ивана в русском фольклоре. Стоян тут крестьянин. Он веял пшеницу посреди с. Вереницы (его отыскать не удалось), как снизу появились три турка, три разбойника. Они пришли прямо к Стояну и сразу спросили, есть ли в селе девушки на продажу. Стоян им тотчас назвал свою сестру Калину. Туркам даже не понадобилось спаивать Стояна. Он быстро согласился продать им сестру за цену, на которой они поладили. В это время сестра была у подружки. Стоян послал за нею жену будто бы за тем, чтобы пришла поглядеть на голубей. Калина послушалась, зашла во двор, —

50 Не были сизые голуби,
А были турки разбойники:
Один деньги отсчитывал
И их Стояну давал,
Другой коней седлал,
55 Третий у ворот сидел.
Едва Калина зашла,
Вмиг Калину схватили
И на коня посадили
[Иванов 1949, 235].

Где был при этом ее брат, не сказано. Самой Калине не дано произнести на прощание какие-то слова. Говорили одни турки. Они условливались, как и куда ехать. Позже выяснилось, что их разговор слышала жена Стояна и сказала ему о нем. Устыженный Стоян велел жене:

Выведи коня гнедого,
Рисом его накорми,
90 Вином его напои,
А я саблю наточу
И ружьё заряжу, —
Авось Калину догоню!
[Там же].

По свершении приготовлений Стоян вскочил на коня, и певица сразу же переместила его вслед за турками «через Рилу, через Витошу»²⁵, где

Он громко закричал:
«Сестра Калина, Калина,
105 Где ты сестра, Калина?»

И тотчас услышал ответ:

«Тут я, братец Стоян,
Но меня турки связали,
Связали и уснули»
[Там же].

Стоян поспешил повелеть:

110 «Сестра Калина, Калина,
Подальше их сабли разбрасывай,
В ружья их воду наливай!»
[Там же].

В былине «Наезд литовцев» князь Роман сам портит оружие и губит коней королевских племянников, но это ему удается благодаря способности превращаться в разных животных. Стоян, в отличие от князя Романа, такой способностью не наделен. Он может рассчитывать только на помощь сестры. В песне не сказано, исполнила ли сестра требование брата. Исполнение в песнях далеко не всегда описывается, но обычно певцами подразумевается. Этот наивный реализм подчеркивается еще и тем, что противники начинают слышать только после того, как это стало удобным для сестры и брата.

Пробудились турки
И Калине сказали:
115 «С кем это ты говоришь,
Кому это ты отвечаешь?»
А Калина им говорила:
«Спите, турки, спите себе!

У меня была птица соловейчик,
120 Всё за мной вслед летел,
Так я ему отвечаю,
И я с ним разговариваю»
[Там же, 235–236].

И тут текст резко оборван. Вряд ли певица не знала концовки и не могла передать ее хотя бы своими словами. Объяснение отсутствия концовки не дано. Естественно предполагать, что, как и во многих других вариантах этой песни, в концовке описывались расправа с турками и возвращение сестры домой.

Однако не всем певицам нравилась счастливая концовка. Им, по-видимому, хотелось, чтобы брата постигло наказание.

²⁵ Витоша — небольшой горный массив к югу от Софии, Рила — горный массив покрупнее к югу от Витоши. Таким образом, получается, что участники действия двигались с юга на север.

Одна из песен с трагичной концовкой имеет следующее начало:

Запил Димитр
В этой прохладной корчме
От зари почти до вечера,
С иноверцем, с турком.
5 Турок вино пил,
Димитр — «шпирта ракия»,
Его одолел хмель,
И Димитр обманулся,
Да свою сестру продал
[Цицелкова-Божкова 1953, 133].

Он отвел турка к себе в дом и, не внемля плачущей Тодорке, отдал ее турку. Никаких речей персонажей на прощание певица не допустила. Она отправила Димитра спать.

Димитру приснилось, будто он утопил сестру в реке глубокой. В страхе он пробудился и потребовал, чтобы сестра принесла ему воды. Жена Марийка напомнила ему о продаже сестры. Димитр тотчас пришел в себя и объявил:

«Я её отдал спьяну,
Трезвым её выкуплю».

Он велел жене идти в конюшню:

50 «Вороного моего коника накорми,
Белым его рисом накорми,
Красным его вином напои,
Синим его седлом оседлай,
Пока я деньги пересчитаю.
55 Сколько денег я взял,
Ещё столько отдам —
Не дам сестру Тодорку
Иноверцу турку
[Там же, 134].

Жена исполнила веление мужа. Русский слушатель подивился бы этим действиям жены, но они традиционны: в болгарских песнях, не относящихся к юнацким, нередко коня в дорогу кормит, поит и седлает женщина.

Димитр сам пересчитал деньги, воссел на коня и выехал за ворота. Певица не стала описывать скачку. Подобно другим исполнителям, она посчитала это излишним. У нее Димитр сразу догнал турок. Это оказывается целый поезд: триста

турок на конях и триста женщин в повозках. Димитр разыскал своего турка и сказал:

«Сколько денег я взял,
Ещё столько тебе дам.
Я её не даю в Туркию —
Это я спьяну сделал!»

Ответа турка не дано. Вместо турка ответила Тодорка:

Невеста под покровом молчит,
Но Тодорка проговорила:
«Братец, братец Димитр,
85 Не могу я вернуться
После того, как с турком переспала.
Дай Господи, братец,
Чтоб твои дети так же разошлись
По туркам и по цыганам!»

И далее певице Тодорка не понадобилась, предоставив слушателям самим додумывать ее судьбу. Остался ее брат:

90 Как услышал это Димитр,
Вытащил острый нож
И на дороге закололся!
А его дети пошли
По туркам и по цыганам,
95 Потому что её проклятье их настигло
[Там же].

Замечено, что песню «Брат спьяну продал сестру турку» предпочитали петь женщины. Она, наверное, считалась женской песней, в отличие от юнацких, предпочитавшихся мужчинами. Подобно другим женским песням, и эту песню публиковали под разными тематическими рубриками. Параллельно с нею бытовала и юнацкая форма, в которой главная роль отводилась все тому же Марку Кралевичу: в XX в. в болгарской эпической традиции довели циклизация и унификация.

Известны записи нескольких отрывков песни с участием Крали Марка²⁶. Довольно полно песня записана в пересказе [Иванов 1949, 507–508, № 3] и здесь далее передается этот пересказ.

Три дня Марко пил красное вино с немцами («немченье»). Никто из них не упился. Немцы — хитрые дьяволы, они смешали вино и ракию и положили в напиток

²⁶ См., например: [СБНУ, кн. XLIV, 335, № 524, 525; Български епос 1771].

«врѣла магия», — читателям предоставлено гадать, что это было за усыпляющее средство. Выпив поднесенный напиток, Марко уснул, а немцы повезли его сестру Ангелину.

Пробудившись, Марко потребовал, чтобы сестра подала ему воды. Вместо сестры отозвалась мать: «В отраву для тебя, Марко, вода чтобы превратилась, коль ты Ангелину немцам отдал!» Только из этой фразы становится известно, что Марко, прежде чем заснуть, отдал сестру немцам.

Молча Марко сел на коня и поехал отнимать сестру. Проехал поле широкое, заехал в лес зеленый, гаркнул Марко и запел, — может, сестра услышит. И она услышала его пение, в ответ закричала: «Скорее, брат, от немцев меня отними!»

«Когда Марко услышал голос сестры, крикнул во весь голос. Весь лес полѣг. Что было живого, всё на поляну выбежало. И немцы тогда оставили его сестру на дороге широкой». Им было достаточно слышать голос Марка. Они не стали дожидаться расправы и убежали, а Марко тут же пожелал их преследовать.

Опуская подробности, рассказчик сразу заставил Марка спросить сестру: «Если ты такова, какая выпала из матери, я тебя верну (домой); если не так, отведу тебя на высокую гору и отрублю тебе голову». Ангелина призналась: «Если меня вернёшь, подружки будут надо мной смеяться. Лучше выведи меня на высокую гору и отруби мне голову». И Марко сделал это.

«Где голова упала, густой лес вырос; где очи упали, два студёных источника забили; где тело упало, церковь Ангелины выстроилась». В болгарской песенной традиции это типическое место, известное и по русским песням, встречается довольно редко. В каждом случае оно выглядит перенесением. Здесь оно тоже перенесение. Его рассказчик соединил с совсем редким и вполне христианским, как ему мнилось, превращением тела в церковь. Для пушей убедительности рассказчик добавил: «И кто болен был, приходил к Ангелининой церкви, и он выздоравливал».

Рассказчик не забыл и о Марке. Он был уверен в том, что Марка постигло наказание: «А Марко разболелся. Девять лет лежал. Всюду мать его возила, нигде для него лекарства не нашла. И тогда мать

привезла сына к Ангелининой церкви. Войдя в нее, мать увидела: ее дочь Ангелина сидит на престоле и шьет что-то шелковое. Тогда Ангелинина мать люто прокляла Марка: “Девять лет ты болен лежал, еще девять лет пролежи за то, что свою сестру погубил!”» Надо думать, рассказчик тоже знал, что по народным представлениям проклятие матери не может отменить даже Господь Бог.

В этой песне покупателями сестры выступают немцы, в чем выразилось влияние той роли Германии, какую она играла в 1930–1940 гг. Предшественником немцев был конечно же традиционный турок. Об этом свидетельствует и предание, записанное к югу от городка Трояна, в предгорье Балканского хребта: эти места близки к географической середине Болгарии. Там ко времени записи предания уже отмерла традиция юнацких песен. Но там еще как-то знали эволюционно позднюю форму о Марке, спяну продавшем свою сестру турку. Знание этой песни и произошло в предании:

«Выше на Балкане, по Равной Поляне очень часты вмятины. Они остались от сапог Крали Марка, когда он гнался за турком, который похитил его сестру Тодору. Бежал Крали Марко, чтобы их настигнуть, и сделал ногами эти вмятины. Когда он поднялся на верх Балкана около места, которое называют Дупката²⁷, примерился, кинул вслед шестопёр и убил их на месте. А где пал шестопёр, стала Дупката. Но вместе с турком он убил и сестру Тодору, и ему стало очень тяжело. Заплакал Крали Марко так, что весь лес затрясся от жалости по сестре. С тех пор место, где плакал Крали Марко, называется Жална, а от его слёз потекла река Жална, — её так и называют» [Български епос 1971, 810, № 176] (варианты в стяженной форме: [Там же, № 173, 174]).

Даже представленных здесь южнославянских песен, надо думать, достаточно для того, чтобы убедиться в их разнообразии. Казалось бы, чего проще с помощью уже наработанных устойчивых словосочетаний и типических мест сложить текст о похищении сестры героя и его погоне, да еще при случае наделить героя громким именем, уже известным по другим фольклорным произведениям, а после этого

преспокойно и бесконечно воспроизводить сложенный текст на протяжении всех последующих поколений. Однако, судя по записям, носителям далеко не всегда нравилось однообразное повторение текста. История похищения и погони им часто виделась иной, и они принимались поправлять песню: менялись места действия и имена персонажей, какие-то подробности или эпизоды заменялись новыми и подчас совсем неожиданными, расправа над похитителем или над преследователем перестала признаваться неизменной. Схему о похищении сестры героя и о погоне за похитителем носители признавали продуктивной для своих творческих опытов. В итоге местные традиции накопили множество сходных форм.

В пору оживленного собрания песен, примерно со второй половины XIX в., эти формы бытовали одновременно, и это позволяет называть их параллельными. Обычно запертые в ограниченные пределы бытования, они почти не соприкасались друг с другом и, следовательно, не влияли друг на друга, поэтому их можно признавать настоящими типологическими формами.

Нельзя, разумеется, совсем отрицать и заимствования. На пограничье двух этнических сред, различающих друг друга прежде всего по вероисповеданию, а именно в Далмации и соседней Герцеговине, бытовали тексты-двойники об успешном похищении сестры чужого эпического героя. Популярнее других, судя по доступному материалу, была песня о бегстве пленника вместе с сестрой того правителя, у кого беглец томился в плену. Благодаря замене имен и мест действия эта песня нередко переходила из одной этнической среды в другую. Бытование песен-двойников за пределами пограничья Далмации и Герцеговины не прослеживается со всей очевидностью. Пока известен только один пример заимствования человеком из Западной Болгарии, достаточно удаленной этнической среды, третьей по отношению к постоянным двум средам.

В некоторых из этих песен звучат громкие имена, позаимствованные у исторических прототипов, живших почти исключительно в XVI–XVII вв. Это имена ускоков и гайдуков и их этнических противников-мусульман. Люди, вставлявшие эти имена, конечно, уверяли себя, а затем и своих слушателей в том, что носитель

громкого имени, несомненно, был участником описываемого эпического события. Без установки на веру привязки громкого имени не возникали бы. Без веры в правдивость эпического события с участием носителя громкого имени песня не получила бы распространения даже в пределах одного села. У просвещенных людей песни этого рода порой наделялись эпитетом «исторические». На самом деле их нужно называть историзованными. Традиция включать в уже существующий текст некое громкое имя вообще характерна для певцов сербскохорватского ареала. В применении приема включения громкого имени песни о похищении сестры героя попросту подчиняли старинному установлению.

В тех случаях, когда публикация боснийских текстов все-таки сопровождалась сведениями об исполнителе и месте записи, можно заметить, что женщинам-боснийкам было свойственно петь краткие варианты таких песен, какие у мужчин превращались в длинные эпосы. У мужчин, очевидно, было больше досуга для создания и сколько-нибудь частого исполнения песни. Тексты боснийцев, как правило, сложны по составу за счет детализации, различных вставок и контаминаций, что, несомненно, указывает на позднее время их сложения. Их вполне возможно анализировать и описывать. Трудность, однако, заключается в том, что толковый анализ хотя бы одной боснийской песни в тысячу и более стихов требует приличного места в печатном издании. Именно из-за печатного ограничения ныне приходится воздерживаться от рассмотрения пространных боснийских песен.

Но даже при вынужденном ограничении множественность и разнообразие представленных здесь песенных форм наглядны. В ту пору, когда они активно бытовали, у нас на Русском Севере, и притом лишь в отдельных деревнях, доживала свой век былина «Наезд литовцев». На Балканах стихийный отбор тогда еще не вызвал к жизни процесс унификации, отметающий разнообразие песенных форм, сложенных по одной повествовательной мерке. На Русском же Севере уцелела только одна форма, последний продукт неумолимой унификации.

В части разработки темы похищения сестры эпического героя и погони за

похитителем видны три состояния фольклорных произведений, зафиксированных собирателями, по существу, в одно время, во временном промежутке всего лишь из нескольких десятилетий. Этих произведений бытовало сравнительно много на пограничье Далмации и Герцеговины, — для них то была пора активного бытования. Их оставалось уже немного в болгарских репертуарах — их время бытования уже уходило. Единственная же форма на Русском Севере знаменовала собой предвстие ее неумолимого отмирания. Тремя этими состояниями выражены три ступени эволюции бытования текстов. Это позволяет утверждать, что у болгар и у русских некогда имелось не меньшее, чем у боснийцев и далматинцев, разнообразие песен на тему о похищении сестры героя. Теперь значение этого вывода видится несущественным. Но со временем вывод станут осмысливать, после чего появятся попытки открывать исчезнувшие из бытования тексты.

Правомерно также полагать, что созданное по одной эпической мерке разнообразие песен в прошлом было, несомненно, постоянным, но неустойчивым. Состав песенных форм, скорее, всегда менялся в силу разных причин, нежели оставался неизменным, что могло быть в кратковременную пору этнического затишья или, иначе, устойчивости.

Мерку текста о похищении и спасении сестры постоянно навязывала

действительность. Это в действительности существовало неписаное правило: вопреки любым обстоятельствам, брат обязан защищать и выручать сестру. Это в действительности происходили похищения чьих-то сестер. И чем удаленнее от нас какая-то давняя эпоха, тем, наверное, чаще и даже обыденнее происходили похищения. Частоте случаев похищения, надо думать, соответствовала некая частота откликов — сложение текстов, что и подтверждается разнообразием песенных форм.

Несложно представить себе славянский мир, сотканный из множества родовых, племенных или краевых объединений. В разных местах расселения, по-видимому, часто и охотно похищали девушек, естественно, чьих-то сестер²⁸. Может быть, и не всегда, но все же часто за случаем похищения следовало возникновение хотя бы кратенького устного рассказа, который потом мог превратиться в предание или песню-хронику, которая затем могла преобразоваться в настоящую эпическую песню. Люди не ждали, когда до них донесут текст о похищении, сложенный где-то в другом месте и по другому случаю. Люди были способны сами откликаться на происшедшее. Поэтому даже в праславянские времена не существовало какой-то одной и только одной праформы, прародительницы известного разнообразия песен.

Литература

Български епос 1971 — Български юнашки епос / Научен ръководител Ц. Романска. Авт. колл.: Р. Ангелова, Л. Богданова, Цв. Романска, Е. Стоин, С. Стойкова // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1971. Кн. 53.

ВК — Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича / Сост., предисл. и прим. Ю. Смирнова. М., 1987.

Добрыня Никитич 1974 — Добрыня Никитич и Алёша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.

Иванов 1949 — Иванов Г. Народни песни и приказки от Софийско и Ботевградско // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1949. Кн. 44.

Караџић 1958 — Српске народне пјесме. Скупио и на свијет издао Вук Стефановић Караџић. Београд, 1958. Књ. III.

Мартинов 1958 — Мартинов А. П. Народнописни материали от Граово // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1958, Кн. 51. С. 73–75.

Новгородские былины 1978 — Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.

Русакиев 1956 — Русакиев С. Народни песни на малоазийските българи в Новопазарско // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1956. Кн. 49.

СбНУ — Сборник за народни умотворения и народопис. София.

²⁸ Об отношениях братьев и сестер, широко отображенных в славянском фольклоре, см.: [Добрыня Никитич 1974, 406–408] — в связи с былинной «Алеша Попович и сестра Бродовичей»; [Новгородские былины 1978, 426–433] — в связи с былинной «Хотен Блудович». Антитеза «Сестра выручает брата из плена»: [Смирнов 2011].

Северна Добруджа 1923 — Северна Добруджа: Етнографски наблюдения и народни песни. От М. Арнаудов // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1923. Кн. 35.

Смирнов 1989 — Смирнов Ю. И. «Эрлангенская рукопись» и «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» // Русско-сербские литературные связи XVIII — начала XIX в. М., 1989. С. 161–228.

Смирнов 2011 — Смирнов Ю. И. Авдотья Язаночка. Архангельск, 2011.

Халанский 1890 — Халанский М. Г. Южнославянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1890. Вып. 3.

ХНП 3 — Јунаичке pjesme (muhamedovske). Uredio Luka Marjanović // Hrvatske narodne

pjesme. Skupila i izdala Matica Hrvatska. Zagreb, 1898. Knj. 3.

Цицелкова-Божкова 1953 — <Цицелкова-Божкова З.> Български народни песни от Средногорието. Дел първи. Песни от Копривщица // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1953. Кн. 46.

ЭР — Эрлангенски рукопис. Сборник српскохрватских народных песама. [2 изд.] / Приред. Радослав Меденица и Добрило Аранитовић. Никшић, 1987.

Hrvatske 1914 — Hrvatske narodne pjesme. Knj. 6: Skupila i izdala Matica Hrvatska. Odio drugi. Ženske pjesme. Sveska druga. Uredio Nikola Andrić. Zagreb, 1914.

Maretić 1966 — Maretić T. Naša narodna epika. Beograd, 1966.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ (1935–2015)

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

“LITHUANIANS’ RAID” THE BYLINA EPICS AND SIMILAR SOUTH-SLAVIC SONGS ABOUT ABDUCTION OF THE HERO’S SISTER

YURIY SMIRNOV

(Institute of World Literature named after A. M. Gor’kiy, Russian Academy of Sciences: 25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. There in multiple South Slavic oral epic songs manifestation of the plot scheme, represented by a Russian bylina epic “Lithuanians’ Raid”, namely abduction of the hero’s sister and following pursuit of the kidnapper, has affected regular changing of the main characters’ ethnicity, attributes and roles. In the paper it is exemplified in vast comparative Slavic material. The author designates such epic plots, migrating constantly from one ethnic milieu to another, as doublets or epic and ethnic “twins”. Usually their appearance was restricted to given regional limits and thus they didn’t contact and couldn’t influence each other, so similarity may be regarded as typology form. Some songs utter lauded names, which belong to history prototypes from the 16th — 17th centuries, such specimen may be attributed as “historicized”. It can be argued that both Bulgarians and Russians once had mastered plenty songs on the theme of abduction of the hero’s sister to not a less extent, than Bosnians and Dalmatians. Considered subject was caused by the very historical reality, because there existed an unwritten rule, which obliged a brother to protect and rescue his sister, despite any circumstances.

Key words: bylina epics, oral epic song, the South Slavs, “Erlangen Manuscript”, epic “twins”, typological similarity.

References

Andrich N. (ed.) (1914) Hrvatske narodne pjesme [Croatian Folk Songs]. Knj. 6. Odio drugi. Genske pjesme. Sveska druga [Book 6. Part 2. Women’ Songs. Other]. Zagreb. In Croatian.

Angelova R., Bogdanova L., Romanska Tsv. (supervisor), Stoin E., Stoykova S. (1971) B’lgarski yunashki epos [Bulgarian Yunak Epics]. Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina [Folklore, Scholarship and Litera-

ture Miscellanea]. Sofia. 1971. Book 53. In Bulgarian.

Arnaudov M. (ed.) (1923) Severna Dobrudzha. Etnografski nablyudeniya i narodni pesni [Northern Dobruja. Ethnographic Observations and Folk Songs]. *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina* [Folklore, Scholarship and Literature Miscellanea]. Sofia. 1923. Book 35. In Bulgarian.

Ivanov G. P. (1949). Narodni pesni i prikazki ot Sofijsko i Botevgradsko [Folk Songs and Tales from Sofia and Botevgrad]. *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina* [Folklore, Scholarship and Literature Miscellanea]. Sofia. 1949. Book 44. In Bulgarian.

Karadzich V.S. (comp., ed.) (1958) Srpske narodne pjesme [Serbian Folk Songs]. Belgrade. Book 3. In Serbian.

Khalanskiy M. G. (1890) Yuzhnoslavyanskije skazaniya o Kraveviche Marke v svyazi s proizvedeniyami russkogo bylevogo eposa [South-Slavic Tales about Prince Marko in Connection with Specimen of Russian Bylina Epics]. Warsaw. Issue III. In Russian.

Maretizh T. (1966) Naša narodna epika [Our Folk Epics]. Belgrade. In Serbian.

Marjanovich L. (ed.) (1898) Junacke pjesme (muamedovske) [Junak Songs (Muslim)]. *Hrvatske narodne pjesme. Skupila i izdala Matica Hrvatska* [Croatian Folk Songs. Book 3. Comp. and ed. by Matitsa Hrvatska]. Zagreb. In Croatian.

Martinov A. P. (1958) Narodopisni materiali ot Graovo [Ethnographic Materials of Graovo]. *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina* [Folklore, Scholarship and Literature Miscellanea]. Sofia. 1958. Book 51. Pp. 73–75. In Bulgarian.

Medenica R., Aranitovich D. (eds.) (1987) Erlangenski rukopis. Zbornik srpskokhrvatskikh narodnikh pesama [Erlangen Manuscript. Col-

lection of Serbo-Croatian Folk Songs]. <2nd Ed. >. Nikshih. In Serbian.

Rusakiev S. (1956) Narodni pesni na malo-aziyskite b'lgari v Novopazarsko [Folk Songs Among Minor Asianic Bulgarians from Novopazarsko]. *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina* [Folklore, Scholarship and Literature Miscellanea]. Sofia. 1956. Book 49. In Bulgarian.

Smirnov Yu. I. (1989) “Erlangenskaya rukopis” i “Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirshayu Danilovym” [Erlangen Manuscript and “Old Russian Verses. Collected by Kirsha Danilov”]. *Russko-serbskie literaturnye svyazi XVIII — nachala XIX v.* [Russian-Serbian Literature Connections in the 18th — the Beginning of the 19th Centuries]. Moscow. Pp. 161–228. In Russian.

Smirnov Yu. I. (2011) Avdot'ya Ryazanochka [Avdot'ya from Ryazan']. Arkhangel'sk. In Russian.

Smirnov Yu. I., Smolitskiy V. G. (eds.) (1974) Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich [Dobrynya Nikitich and Alesha Popovich]. Moscow. In Russian.

Smirnov Yu. I., Smolitskiy V. G. (eds.) (1978) Novgorodskie byliny [Bylina Epics of Novgorod]. Moscow. In Russian.

Smirnov Yu. I. (comp., preface, comm.) (1987) Serbskie narodnye pesni i skazki iz sobraniya Vuka Stefanovicha Karadzichia [Serbian Folk Songs and Tales from Vuk Karadzich's Collection]. Moscow. In Russian.

<**Tsitselkova-Bozhkova Z.**>. (1953) B'lgarski narodni pesni ot Srednogoriето. Del p'rvе. Pesni ot Koprivshchitsa [Bulgarian Folk Songs of the Middle Mountains. Part 1. Songs from Korpivshchitse]. *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina* [Folklore, Scholarship and Literature Miscellanea]. Sofia. 1953. Book 46. In Bulgarian.

ABOUT THE AUTHOR

(1940–2015)

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

PhD (Philology), leading researcher, Folklore department, World Literature Institute named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences
